

Творчество Андрея Калина во многом противоречиво — наряду с протестом против всяческого угнетения и верой в лучшую жизнь, в его сказках звучат и пезжитки патриархальных, консервативных представлений.

Репертуар Андрея Калина велик и разнообразен; предпочтение он отдает тем сказкам, героями которых являются бедняки, часто лесорубы.

Кроме волшебных и новеллистических сказок и легенд, в репертуаре Калина множество исторических преданий. В них, так же как в традиционных волшебных и бытовых сказках, индивидуальной чертой Калина является заостренность социальных мотивов.

Очень любопытны сказки Калина о народных мастерах, характерные для Закарпатья, славящегося своими художественными промыслами и деревянной народной архитектурой. Такова, например, прекрасная «Казка про майстера Иванка» (стр. 11).

В сказках Калина возникают яркие бытовые картины из жизни лесорубов, горных пастухов, крестьян. Поданные в сочной реалистической манере, они приоткрываются с традиционной сказочной фантастикой.

Не перегружая свои необычайно стройные и строгие по композиции сказки излишними деталями, Калин очень скупыми, но выразительными средствами раскрывает внутренний мир своих героев. Немало в репертуаре Калина и сатирических сказок, полных народного юмора, — например, «Чоловік и жона» (стр. 204), «Вперта жона» (стр. 208) и др.

Книга «Закарпатські казки Андрія Калина» — несомненный вклад в современную закарпатскую литературу. Широкие читательские круги с благодарностью оценят работу П. Линтура, записавшего тексты Калина и предпославшего сборнику интересную вступительную статью, в которой, несмотря на ее крайне малые размеры, автору удалось нарисовать яркий творческий портрет сказочника.

Специалисты-литературоведы, фольклористы, этнографы надеются на скорейший выпуск академического издания сказок Андрея Калина — замечательного горинчевского мастера слова, творчество которого являет собой показательный пример сочетания веками выношенной коллективной народной традиции с ярким индивидуальным мастерством.

Э. Померанцева

Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского. М.—Л., 1955.

Публикациям и изучению сатирической сказки, одного из острейших, социально насыщенных видов народного творчества, в советской фольклористике уделяется очень мало внимания. Достаточно сказать, что последние специальные ее публикации советского времени относятся к началу 1930-х годов, когда вышли два сборника-антологии, составленные Ю. М. Соколовым («Поп и мужик», Academia, 1931; «Барин и мужик», Academia, 1932). Они уже давно стали библиографической редкостью. После выхода этих антологий небольшое количество текстов сатирических сказок можно встретить лишь в областных сборниках и сборниках-монографиях, посвященных отдельным сказочникам.

Теоретические вопросы, связанные с народной сатирой, художественной спецификой бытовой сатирической сказки, в нашей фольклористике также почти не разработаны. Кроме предисловий Ю. М. Соколова к указанным сборникам, можно назвать лишь две специальные работы: неопубликованную кандидатскую диссертацию И. Лупановой «Русская бытовая сказка» (Л., 1950) и статью Д. М. Молдавского «О русской сатирической сказке» (журнал «Дальний Восток», 1953, № 3). В общих работах и учебных пособиях сатирическая сказка освещается очень скупо. Поэтому радует появление книги Д. М. Молдавского, которая включает не только публикации лучших сатирических сказок русского сказочного репертуара и комментарии к ним, но и статьи, представляющие собою попытку научного изучения сатирической сказки.

Подбор текстов в новом сборнике в основном следует признать удачным. За немногими исключениями взяты лучшие варианты, которые дают полное представление о богатстве тематики русских сатирических сказок. Полно представлен цикл исторических сказок; разнообразны сказки, направленные против бар и духовенства.

Не особенно удачны, на наш взгляд, следующие тексты: «Мужик разгадывает загадки» (лучший вариант см. у А. Андронникова «Народные сказки Костромской губернии», «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. I, 1913, стр. 133, «Чего на свете не бывает»; этот же вариант в сборнике Ю. М. Соколова «Барин и мужик», Academia, 1932, стр. 97); «Сказка о глупых людях» (см. А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 3, 1940, № 406, «Лутонюшка»); «Шемякин суд» (см. Н. А. Иванецкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, 1890, № 49, «Два брата»). Вообще надо пожалеть, что не был использован сборник Н. А. Иванецкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890), в котором мы находим прекрасные тексты бытовых сатирических сказок: «Глупая деревня», «Барин и мужик», «Глупый народ» и другие. Шире можно было использовать богатейший фольклорный архив Русского географического общества.

Ценность книги определяется не только текстами, но в значительной степени ее научным аппаратом, прежде всего комментариями. В комментариях Д. М. Молдавского есть удачные разделы с подробными историческими экскурсами (к сказкам цикла «Горшня», «Одна баба», «Шемякин суд» и др.). Однако следует сказать, что в ряде случаев комментарии вызывают критические замечания. Прежде всего, нам кажется необходимым для любого издания, а в особенности научного, давать в комментариях параллели сюжета по сборникам. Они не только показывают распространность и типичность данного сюжета сказки, но дают возможность сравнить варианты, бытовавшие в разное время и в разной среде, определить, насколько правильно был выбран именно приведенный текст. Комментарии рецензируемого сборника против компаративизма и нежелание воспользоваться «Указателем сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева. Но ведь сопоставление вариантов, необходимое при конкретно-историческом изучении фольклора, отнюдь не тождественно компаративистскому, формалистическому методу.

Очень хорошо, что Д. М. Молдавский показывает использование сказочных сюжетов и образов дореволюционными и советскими поэтами и писателями. Но иногда эти параллели надуманы («Беспечальный монастырь» и стихотворение А. Суркова).

Составитель безусловно имеет право комментировать сказки более или менее подробно, не добиваясь какого-то стандарта. Но в комментариях Д. М. Молдавского такая неравномерность комментирования не всегда оправдана. В них иногда отмечаются интересные, но малозначительные детали, а сущность сказки, ее смысл и значение не определяются. Это, прежде всего, относится к таким превосходным сказкам, как «Барин и плотник» и «Сердитая барыня». Помимо этого, в комментариях есть отдельные неправильные положения. Так, Д. М. Молдавский относит сказки о подлинных дураках, сказки и анекдоты о пошехонцах («Набитый дурак», «Дурень Ненило и жена его Ненилушка», «Лутонюшка», «Сказка о глупых людях», «Как один богач хотел своего сына женить») к сатире на представителей господствующих классов. Правильно отмечая древность некоторых из этих сюжетов, их связь с народными присловьями, Д. М. Молдавский почему-то предполагает, что впоследствии объектом сатиры явились социальные черты, присущие лишь господствующим классам, которые «немало потрудились, чтобы переадресовать народную сатиру». Ярко выступающий крестьянский колорит образов Молдавский объясняет тем, что «народ, рассказывая о других классах, зачастую наделял их быт деталями своего собственного (так, царицы иногда варят обед, а царевичи пасут скот)» (стр. 254).

Нам кажется, что этот путь народной сатиры, нарисованный Д. М. Молдавским, несколько искусственен. Народ в сказках и анекдотах о глупцах и пошехонцах в ряде случаев критиковал имеющиеся в его среде недостатки и, прежде всего, встречаемую в быту лень и бездеятельность, результатом которых является неумение работать, промахи, недалекость хозяина. В сатире сказок ясно выступает трудовой, моральный, эстетический идеал народа. Заметим, что уже в период разложения феодализма, в условиях расслоения крестьянства, вызванного развитием капиталистических отношений, в некоторых вариантах вместо крестьянина выступает богач или сынок богача (см. сказку «Как один богач хотел своего сына женить», А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок, Пг., 1917, № 200).

Можно сказать вполне определенно, что в приведенных в сборнике сказках, как и во всех бытовых сатирических сказках, нет иносказательности, заставляющей предполагать, что за образом крестьянина скрывается барин. Характерно, что во многих сказках сюжета «Лутоня» и других выводятся как глупые крестьяне, так и бары, превосходящие их своей глупостью (см., например, Афанасьев, «Народные русские сказки», т. III, 1940, № 391). Стремясь социально оправдать резкую критику представителей крестьянства в сказках, Д. М. Молдавский, нам кажется, невольно принижает возможность народного творчества. Для подкрепления своей концепции автор утверждает, что «представители прогрессивной общественной мысли, начиная от забытого просветителя конца XVIII в. В. С. Березайского и кончая М. Е. Салтыковым-Щедриным, под «пошехонцами» понимали как раз представителей господствующих классов» (стр. 254). Это положение очень спорно. Именно Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», используя сказки, анекдоты и присловья о пошехонцах, остро, с позиций революционных демократов критикует «глуповство», т. е. темноту, невежество, общественную и политическую незрелость народных масс и в полемике с своими критиками прямо ссылается на присловья, созданные народом о самом себе¹.

Недостатки имеются и в комментариях к сатирическим сказкам о животных; здесь недостаточно показана эволюция животного эпоса.

В качестве приложения к текстам напечатаны статья Д. М. Молдавского «Русская сатирическая сказка», его же заметка «Василий Березайский и его «Анекдоты древних пошехонцев», а также сказки из репертуара сказочников Богатыревых с характеристи-

¹ См. М. Е. Салтыков-Щедрин, Письмо А. Н. Пытину от 2.IV.1871 г., Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 235.

кой последних². Опубликование этих сказок непонятно. Самая характеристика сказочников Богатыревых не дает ответа на вопрос о том, насколько типичными представителями современных сказочников они являются, а наблюдения над некоторыми особенностями их творческих приемов отрывочны. Опубликованные тексты также не характеризуют изменений в бытующей традиционной сказке в советский период. Сказки Ильи Богатырева, в которых он выводит героем себя, снижены по своей идейной остроте. В сказке «Дежж гуся» умиление по отношению к барину и его семейству явно преобладает над насмешливым отношением к нему. Характерный для этой сказки сатирический образ богатого мужика вообще отсутствует. Снижен образ положительного героя и в сказке «Барин-спорщик», где «Богатырь» покорно слушает оскорбления барина. Сказки Сергея Богатырева представляют собой бледные, схематичные пересказы сказок отца. Особенно это относится к текстам «Беременный поп», «Ты умед, да и я не дурак».

Заметка «Василий Березайский и его «Анекдоты древних пошехонцев» интересна по фактическому, историко-биографическому материалу. Читателям будет интересно узнать биографию Березайского, его деятельность и место в демократической литературе конца XVIII в., предосторно его книги. Было бы желательно, чтобы часть работы, представляющая собой разбор его книги, содержала более глубокий и разносторонний анализ материала, раскрывая характер использования Березайским сатирических народных анекдотов и качество их обработки.

Очень интересна статья «Русская сатирическая сказка». Автор справедливо указывает, что сатирическая сказка, как особая форма народной прозы с присущими ей чертами, изучена далеко недостаточно.

Историкографический раздел статьи написан хорошо и полно. Хотелось бы только, чтобы автор более подробно рассказал об изучении сатирической сказки в советский период (стр. 176).

Д. М. Молдавский протестует против термина «бытовая сказка» на том основании, что все сказки, даже волшебные, представляют собой творческое переосмысление бытовых наблюдений, а в бытовых сказках, в свою очередь, выражается мечта народа. Но одно дело реалистическая основа всякой сказки, ее устремленность в будущее, другое — конкретные художественные приемы, различные в разных типах сказок. В объяснении и использовании термина «сатирическая сказка» в статье также наблюдается неясность: Д. М. Молдавский пытается распространить этот термин на различные жанры сказок (это отражается и на подборе текстов, включенных в сборник).

Нам кажется, что деление на виды сказок в зависимости от системы художественных приемов (волшебные, бытовые, о животных, авантурные, новеллистические и т. д.) должно сочетаться с учетом сатирических образов в них, что дает возможность говорить о бытовой сатирической сказке, о волшебной сказке и сказке о животных с сатирическими образами и приемами. Только в этом смысле можно выделить группу сатирических сказок, как это и делает Д. М. Молдавский при подборе текстов.

Ценность статьи Д. М. Молдавского состоит, прежде всего, в том, что он попытался рассмотреть некоторые специфические особенности бытовой сатирической сказки, ее образы и художественные средства. Особенно интересен разбор образа положительного героя в разделе о национальной специфике сказки и приема осмеяния веры в чудеса в разделе о «наивном реализме». Однако в определении особенностей художественной специфики бытовой сатирической сказки автор допустил некоторые неточности. Они часто проистекают из того, что недостаточно учитывается вся художественная, образная система сказки в целом. В частности, в статье чувствуется недооценка фантастики как художественного приема бытовой сатирической сказки, используемого и при создании образов и в построении действия. Д. М. Молдавский пишет, что «самые поступки действующих лиц редко нарушают нормы реальной жизни, и сказочный вымысел сосредоточивается на создаваемых этими поступками отношениях между героями: тот, кто в жизни еще был угнетен, в сказке побеждает, и наоборот» (стр. 178—179). Таким образом, автор видит фантастику лишь в основной ситуации сказки.

В статье, как и в комментариях, хотя в более сглаженной форме, говорится об отсутствии в народном сказочном творчестве сатиры на представителей крестьянства. Положение «сказка бичует отрицательные качества и у представителей народных масс» (стр. 184) тут же дополняется указанием, что глупцы и суеверы — обычные представители наиболее зажиточного слоя крестьянства.

Несмотря на отмеченные недостатки, значение статьи «Русская сатирическая сказка», как и всего сборника, несомненно. Надо пожелать, чтобы разработка затронутых в статье проблем была продолжена, а сатирические сказки изданы массовым тиражом для широкого круга читателей.

Н. Савушкина

² Сказки лесорубов Богатыревых были записаны Д. М. Молдавским в экспедиции ЛГУ в Псковскую область (1943—1947 гг.) в дер. Сунезо Пыталовского района.